

НОВАЯ серия

алексей
цветков

\ сказка на ночь /

Алексей Цветков
Сказка на ночь (сборник)

«Новое издательство»

2008

Цветков А. В.

Сказка на ночь (сборник) / А. В. Цветков — «Новое издательство», 2008

Алексей Цветков родился в 1947 году на Украине. Учился на истфаке и журфаке Московского университета. В настоящее время живет в Нью-Йорке. В книге «Сказка на ночь» собраны стихи 2008 года.

Содержание

«однажды забраться в наружность...»	5
ТОТ	6
ПРОЩАНИЕ С ЕЛКОЙ	7
«сперва составим список...»	8
ОДА ВОДЕ	9
БРАТ	11
УГОВОР	12
ГОСТИ	13
АМИНЬ	14
«стук острых ставней щелканье щеколд...»	15
«трудами предков прелая земля...»	16
ПЕСНЯ В ПУТИ	17
БЕЗ ПРОТОКОЛА	18
ПОБЕГ	19
НЕПИСЬМО	20
ПРОСТЫЕ ЧИСЛА	21
МЕМЕНТО	22
КЛЮЧИЦЫ	23
БАШНЯ	24
«сеет небо густой цемент...»	25
ИГЛА	26
ПАРЛАМЕНТ ПЧЕЛ	27
УМИЛЕНИЕ ЗВЕРЕЙ	28
СВАТОВСТВО МАЙОРА	30
МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ	32
«конь в горизонт зазубренным хребтом...»	33
«рисовала как росла...»	34
«как весело разглядывать синиц...»	35
«река в ракидах спит сгибаая берег влево...»	36
«лет что ли шесть мы были с ним знакомы...»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Алексей Петрович Цветков

Сказка на ночь

«однажды забраться в наружность...»

однажды забраться в наружность
другого совсем не себя
и с ужасом видеть окружность
в неправильной форме сельдя

все будет неверным и разным
совсем не таким как себе
допустим граненое красным
а жидкое дыркой в стене

он может быть женщина-физик
космической силы массив
а в зеркале сморщенный финик
и думает сам что красив

ведь знал же как только рождался
какой в уравнениях риск
залез ему внутрь и дождался
что x не тождественно x

я сам эта женщина с виду
наук беспощадная дочь
очнись и на цыпочках выйду
из женской наружности прочь

я так к себе крепко привязан
что я не такой как они
и видеть всегда не обязан
природу такой как они

давайте мы в госпиталь сляжем
пожизненно сядем в тюрьму
а завтра умрем и не скажем
о страшном своем никому

ТОТ

тот чье время пришло
уже ничего не умеет
существует смешно
глохнет в углу и немеет

виснет сбоку рука
и в форточку каждому ветру
словно вымпел легка
но неподъемна субъекту

ниже слипшихся век
вся челюсть чугуна как подкова
это был человек
как мы любили такого

разнимающий в ключья
деснами воздух нагими
лучше вынесем прочь
лучше не будем такими

пусть песочную нить
другим не дробит на мгновенья
разучившийся быть
еще до исчезновенья

ПРОЩАНИЕ С ЕЛКОЙ

две тысячи восемь шарахнуло в телеке с вовкой
полночным укропом печаль на селедку легла
теперь объявляю негромкие игры под елкой
я спрячусь положим а вы не ищите меня

из волн майонеза кристина встает орбакайте
играйте друзья чтобы время не даром прошло
допустим я спрячусь а вы постепенно считайте
две тысячи восемь две тысячи девять очко

советской собачкой часы в орбитальном полете
стоят и продолжим под скатертью поиск бедра
я спрячусь но вы не ищите а если найдете
вам год не засчитан и дальше насмарку игра

отлично что водка что килька посолена прямо
и будь я гарантом такой интересной страны
глядел бы на всех с неизбывной любовью с экрана
да жалко что иллюминатор не с той стороны

от липкой эклиптики врозь побежали широты
в созвездиях шепот над млечной водой камыша
штурвал на себя но конечно спасибо за шпроты
и ваша снегурка под шубой всегда хороша

звонит мое сердце на дальних парсеках сегодня
две тысячи восемь и дольше остаться нельзя
но вслед из-под шубы озябшая смотрит селедка
и нежная шепчет вы люди вы наши друзья

«сперва составим список...»

сперва составим список
привычек и гостей
созвездий и редисок
оврагов и гвоздей
ершей запишем влажных
они живут в воде
но многих очень важных
предметов нет нигде
никак их не назвали
без них проходят дни
когда б мы только знали
как выглядят они
полно в природе слепней
отверток и борщей
но самых нужных нет в ней
неведомых вещей
я полон слез обидных
какой же в жопу бог
кто стольких очевидных
вещей создать не смог
ах как бы мы любили
свой мир во всей красе
когда б повсюду были
предметы эти все

ОДА ВОДЕ

*Beauty is truth, truth beauty, – that is all
Ye know on earth, and all ye need to know.*

John Keats

где небезызвестный фонтан где турист прямиком
в макдональдс в макдональдс под залпы вина и салата
я должен еще раз пускай доползти стариком
и смертная в сумерках спит на ступенях палата
я должен примчаться практически в этом году
кровь из носу должен живьем добираться иначе
брусчатка в лицо и уже никогда не дойду
к тем нежным пирожным к тем тирамису на раздаче
и где наверху в белоснежной своей темноте
лежащий чье имя начертано нам на воде

с вершин вашингтона из-под монреальского льда
на каменное в витражах положение колодца
мне выбора нет а не то не умру никогда
вернее умру но фактически там не зачтется
где флейта фонтана в хрустальной звенит немоте
и скидку давая всему стихотворному цеху
три русские грации чертят на вечной воде
неоново ярко свою смехотворную цену
но чужд распродаж в ледяную не их и не мой
здесь воду ступенями спекки сошедший зимой

вот жертву ведут к алтарю и в хитонах тела
струистые вместе как сельди в путину на сейнер
над лестницей в окнах стерильно палата бела
и добрый прозрачный сквозь тучи со снадобьем северн
в утробе волчицы чьи молча щенки города
вся в тирамису или дзепполе piazza di spagna
где в роще неона над мертвым чье имя вода
склоняются истово русские музы изгнания
пускай погребен среди каменных тех нереид
но третью стихию второй предавать не велит

кто сыном конюшего вышел к фонтану из тьмы
и носом у йейтса в витрину кондитерских кружев
пусть имя волной состоялся телесней чем мы
над площадью расчеловечен всей жизни не сдюжив
стремглав свое липкое старчество ночью неся
покорно вернемся откуда стремилась русалка
в надежде что вдруг красота испарилась не вся
спасен океан если истина в нем не иссякла

плеснем напоследок фраскати барашка седло
все ниже ступени к нему все тусклее стекло

БРАТ

ф. сваровскому

вдруг пахнуло припоем сверкнуло в приборном окне
в унисон заревели отвертки и вывели брата
я узнал по глазам и такая же в нем как во мне
материнская плата

и еще нам сказали что третьей в подмогу возьмем
Зхх этот новый дизайн с гигаваттом из ножен
я взглянул на входное устройство там женский разъем
но приказ непреложен

он закон исключенного третьего знал назубок
мы терпели как гот предписал не рискуя иначе
под нагрузкой на сто бесконечен он был и глубок
как ряды фибоначчи

я их с кабелем как-то без светодиода засек
вход на выход для пользы взаимообмена сигнала
мигом лазер сверкнул отвалился от брата кусок
вся любовь отсияла

здесь на третьей от солнца вовсю неоглядны поля
если в клетку разбить и плеснуть в атмосферу аргона
можно жить и без брата ни чипом внутри не боля
мне не надо другого

и без прежней опаски в дорогу по их городам
где клочки протоплазмы в руинах шипят догорая
пусть пульсирует кварц я тебя никому не отдам
Зхх дорогая

УГОВОР

когда наскучит жить и я умру
они плитой примнут меня к бугру
приостановит выплаты контора
но все равно в обещанном бреду
однажды навестить себя приду
сидящего живьем у монитора

я объясню себе что бога нет
и покажу движения планет
в пазах с подшипниками проще репы
природа тор хоть трижды в ней умри
вся правда полая дыра внутри
а слава пыль и сны о ней нелепы

пусть этот мертвый он и прежний я
под сводами последнего жилья
сравнят баланс и подбьют подробно
в попытке жизни не было вреда
но стоило ли пробовать тогда
чтоб стрелку забивать с собой загробно

вот собственно и монитор погас
поскольку в памяти иссяк запас
местоимений мнимому герою
забуду эту глупую игру
когда действительно всерьез умру
там впрочем в дверь стучат пойду открою

ГОСТИ

когда небо меняет свое положение
пряча солнце за край окоемного рва
наши мыши в квартире приходят в движение
хоть и малолитражные но существа

объясняются шепотом писком вполголоса
быстрым бисерным шагом спешат вдоль стены
столько тысячелетий как в гости из космоса
прилетели и бедные не спасены

кто за клейстером в путь кто за крученым кабелем
между ушками пара доверчивых глаз
а мы мучаем их хирургическим скальпелем
или адской отравой изводим как класс

этот серенький жизнь на кожевенной фабрике
положил и с хвостом его старость смешна
но по-прежнему прадед в потертом скафандрике
на портрете под полом висит как мечта

денег нет и живут без имущества голыми
сыр небесный простыл за парсеками тьмы
так зачем мы их пичкаем в жопки уколами
и не любим плохие по-моему мы

совесть кровоточит и болит бессознательно
где мышинная родина песни о ней
вечно шепотом а просыпаются затемно
по ночам когда отчие звезды видней

АМИНЬ

соседские золовки и зятя
в две дюзы под бельем гуденье газа
у них там был младенец для мытья
и старшенький для общего показа

и помнишь ты была у них тогда
той дочерью недолгой мне на память
которая спасла себе кота
от злых ребят но не умела плавать

я за тобой подглядывал в окно
и подарил латунное колечко
а старшенький читал стихи барто
потом подрос и вскоре сел конечно

тебя там нет и нет нигде с тех пор
как ты была и как тебя не стало
впечатан в звезды бесконечный двор
но для людей теперь пространства мало

остался я травинка на ветру
да кот спасенный льнет к тогдашним шторам
все мордой вверх как будто есть вверху
который знает кто мы и за что нам

«стук острых ставней щелканье щеколд...»

стук острых ставней щелканье щеколд
зигзаг на небосводе
с какой балды на жердочке щегол
поет о несвободе

кто смолоду покорно пил с руки
без крова или корма
пропасть стремится вне а не внутри
в густом устройстве шторма

где в прорезь молнии судьба видна
ее узлы не рвутся
пернатые стремятся времена
пройти и не вернуться

свидетелям грехопадения тьмы
месящим гравий в груди
теперь срываться с привязи хоть мы
не времена а люди

«трусами предков прелая земля...»

трусами предков прелая земля
приучена к производству яблок
которые без риска съесть нельзя
иначе блеск не по рассудку ярок
и та каменноугольная тьма
внутри которой в жанре алкоголя
все те же мы нам целый мир тюрьма
нам только в гибели покой и воля

никто не свят раз прозябает зря
пуст на просвет и совесть в нем баранья
мерси змее за отделение зла
от прочего добра и благонравья
и той чьим промыслом змея сильна
рабе любви с простой сурьмой и пудрой
пока между добром и злом стена
заботами рептилии премудрой

той деревенской девочки родне
чей архетип в нейронах несгораем
кто глупости показывала мне
юбчонку прочь на даче за сараем
и в солнце облеченная потом
кого всердцах царицей зла назначу
на свете счастья нет но был батон
тринадцатикопеечный на сдачу

с отечеством слегка не повезло
но дочерям спасибо за науку
с тех пор как наше небольшое зло
в груди добру протягивает руку
где без творца они навек одни
как на юру последние осины
и черные перед бедой огни
рассеивают свет невыносимый

ПЕСНЯ В ПУТИ

тому
кто из острых осколков как пазл составляет тьму
озирать близоруко словно стоглазый аргус
поднимите-ка веки ему
и на всех удалите скальпелем эпикантус

азиатский уголь с олифой импортный груз
не по мулу выючил святой хуан де ла крус
преподаватель пепла летучий учитель ночи
чуть пронизан узором серебряных бус
по ним как по кочкам но кто не трус
через черное путь короче

пусть висят
взяли азимут мне аккуратно шестьдесят
один и дальнейший отсчет не слышен
если что и внятно то лишь как шумят едва
эти райские рощи трансгенных груш и вишен
овощи по краям естества

влететь со всей слепоты
истекая фосфором если орбиты пусты
воссиять из костей непригодным к некруглой дате
от осколков в крови амуры ангельские малыши
сан-хуан у рубильника вмиг и вот вам нате
темная ночь души

значит вечно ничья
по ручью между снегом и сажей отсюда близко
симпатичных бабочек толчея
верных евангелию воробьев франциска
со стартовой в ступе тереза в серебряных ризах святая
к паукам в их сумерки не слетая

БЕЗ ПРОТОКОЛА

уличил участковый и чуть ли не шил статью
в безналичном десанте в метро при честном народе
так ведь сам нарывался мол слушай чего спою
потому что считался тогда ксп или вроде
даже не ксп как факт но влюблен или пьян
а вокруг временами в зной но скорее в стужу
простиралась отчизна и был в ней один изъян
то есть если бы только один я желал наружу

вспоминаешь сережа как были с тобой бедны
хоть пустую под ливнем крапиву в суп на пленере
и шотландскую суку чей рацион еды
нам отечества не умилял на ее примере
мудрено на петровке в раю не пробыв ни дня
при посредстве стакана искать совершенства в мире
и в стране по которой в ментовку вели меня
где рвалась тетива на моей семиструнной лире

предавался в сибире железнодорожной езде
а когда подвели к безвозвратному трапу ладно
убедился конечно что стужа стоит не везде
но таки нигде не пускают в метро бесплатно
пусть по гроб бороздит зарубежная скорбь чело
и надежда не меркнет на материальную помощь
что нам пользы наружу там нет никому ничего
только небо и звезды на нем ты ведь звезды помнишь

всю крапиву в стога под неистовый рык грозы
бечева распускает снопы подмосковных речек
где с тобой разливал гитарист отставной козы
лимита с психодрома местечковый антисоветчик
век собака на страже в кустах теребить говно
велика целина облеченная в снежный капор
пусть и будет одна у ребят раз другой не дано
я вот выпил и песню сложил ты послушай прапор

ПОБЕГ

понимаешь какая загвоздка
мы по первой неправильно рыли
всюду камень а сверху известка
наглotalись как суслики пыли
там решетка была за парашей
вот туда бы и сразу болваны
как сурки намудохались с сашей
метров двести до этой поляны
роба в клочья и с голоду босы
что-то местность тут больно глухая
шутки набок во вторник допросы
и за сашкой пришлют вертухая
хорошо вы как раз прилетели
мы ведь сами к вам в космос хотели

хоть по-честному вы и уроды
даже хобот спасителя чуден
много милостей есть у природы
научил нас товарищ мичурин
лучше дохлую в лапы синицу
чем журавль в небесах по желанью
отведите в свою колесницу
накормите какой-нибудь дрянью
это кто в чешуе перепончат
и трава почему как чернила
слышь сашок а они не прикончат
что башка с чифиря учинила
вроде четко на запад копали
а куда неизвестно попали

ну ты ладно стволом-то не тыкай
желтоглазый и жопа как мощи
ща как печень пощупаю пикой
кончишь бегать на блинчики к теще
хоть бацилла в тюрьме не из жирных
быстро брысь на казенных носилках
а о наших загубленных жизнях
сложат песни на всех пересылках
бей безносую в зубья заразу
он убил меня смертью героя
ты гляди как светло у них сразу
вышло солнышко следом второе
выше рыло в такую погоду
хорошо умирать за свободу

НЕПИСЬМО

семь лет как мы не виделись поди
теперь такие промежутки жизни
прорехи между встречами пора
считать прощальными и заблуждений
насчет резерва я лишен но ты
посуществуй еще

я изложу
как если бы ты был или была
звеном реальности пускай она
нас в стороны швыряла по абсциссе
над руслом неживой воды я вслух
поведаю моменты и отрезки
вернее письменно вернее молча
семь тысяч километров плюс семь лет
пускай не световых и то спасибо
ведь это был или была не ты
кому беззвучно в воздух или в стену
я говорю

я собственно молчу

в полупостели в цифровой пустыне
проспал всю зиму и визит к врачу
но там клистир заряжен холостыми
давай сперва уговоримся быть

в одной из этих медленных вселенных
откуда вверх по ординате нить
в спиралях ускорений постепенных
нам скоро всмятку и стена в конце

недосвиданья не прощай
ац

ПРОСТЫЕ ЧИСЛА

темна истекает из облачной бязи водица
на дачный плетень
становится звездно и вечная пряжа садится
на свой бюллетень

как бережно редкие вслух тишина отражает
слова в синеве
как будто не ночь осторожную речь окружает
а целые две

разрезанным зрением с разных поверхностей двойню
увидю едва
в светящемся в сумерки платье которую помню
и ту что была

единственной без отраженья в грядущем когда я
на долгом посту
под сохнувшим млечным бельем о свиданье гадая
дышал в темноту

конверт не вернется о чем никогда не спросила
с ответом внутри
повадишься сниться сперва захвати керосина
и спички бери

встань неопалимо с протянутым факелом третья
любви поперек
откуда навек и на все световые столетья
горит рагнарёк

MEMENTO

в лесу раздавался раскат пионерской трубы
погода стояла из тех на которые ропщем
струила осадки а мы например по грибы
ну то есть не прямо в упор по грибы а по общим
вопросам повестки допустим из зябнувших ласт
товарища в очередь за невозвратной канистрой
и если какая из спутниц согласие даст
злоупотребить под сосной благосклонностью быстрой
в смотря по условиям реалистической позе
так мы убирали морковь в подмосковном колхозе

как светятся мокрые их самокрутки в лесу
сограждане аж зажигалки в ладонях дрожат их
анфиса стояла анфас заплетая косу
и двое на поиски добрых пионервожатых
я вот что случайно придумал когда я умру
ну то есть не весь но частично и ящик мне впору
спроворят снесите меня одноклассники. ру
или однокурсники. ру на высокую гору
тьфу чертова рифма в тот лес где настала зима
и тысячетней моркови полны закрома

так зябнут ладони так ясно что незачем греть их
на дальнем последнем свиданье в сосновом кольце
где мы пионеры мы дети рабов то есть этих
которые всех обшивают атласом в конце
нам разве не лучше собраться с канистрой у клязьмы
с той быстрой улыбкой теплой тополиной пурги
где нерасторжимы объятья и встречи прекрасны
постой благосклонное время вперед не беги
скорей распахни надо всеми лазурный атлас
и в прежней косе бесконечной анфиса анфас

КЛЮЧИЦЫ

чужая повесть из чужого дня
сама успела или ты дождался
весь эпизод где не было меня
как будто умер или не родился
как трепетно за тех кем изнутри
не побывал и глаз который сверху
вонзается ты у меня смотри
тела слепые торопя на сверку
по чипам где блеснут из-под белья
он точно знает кто из них не я

мы разве живы мы с тобой кино
шестидесятых или даже хуже
когда спешим сжимая полкило
трески и черно-белый ливень в луже
с экрана правде плыть наперекор
продрогшему где горько там и стопка
а там за дверью грубый перебор
реальности ее не нужно столько
здесь третье измерение мечта
в нем глаз горит сквозь пыль и слез ни капли
существовал же я раз эти кадры
у них в монтажной есть и про меня

она пришла но в теле не теплей
не донесется голос и не надо
теперь ее сыграла бы рената
литвинова но это не теперь
вся в кофточке с ключицами эфирно
пока живьем монтажный нож в куски
я полкило тебе принес трески
но совершенно из другого фильма
куда глаза без автора внутри
разъят на нестыкуемые части
непопадание в рукав руки
невозвращение рассудка к власти
и пустота как пульс в сплетенье лет
где свет мерещился но нынче нет

БАШНЯ

когда собирали из всех городов
смотреть на чрезмерное чудо
стоял очарован к экстазу готов
и руку горячую чью-то
сжимал второпях в голосащей толпе
не глядя а может их было и две

но сорванный голос кричи не кричи
пощады снискал ни полстолька
когда в обреченных меча кирпичи
обрушилась с ревом постройка
так пыльно и каменно пела река
в которой навеки разжалась рука

мы древних зверей приутихший народ
с тех пор как победное небо
с родившихся тел языками берет
в казну себе подать и вено
улитка улитка в мозгу пустота
молчанье моллюска мычанье скота

ты помнишь в арыке багрово текло
удушливой молнии петли
и мертвой руки человека тепло
живой все мерещится нет ли
где корчась и знаменья звездам творя
лежала на камне вторая твоя

мы черная речь расчлененной земли
мерси за постой и покупки
потомкам поведали все что смогли
милосские наши обрубки
из лувра светилам сигналил мольбу
улитка улитка с культями во лбу

«сеет небо густой цемент...»

сеет небо густой цемент
головой в стекло пациент
смысла ждет из смежных галактик
чуя в космосе перекося
рой иридиевых стрекоз
параноик но твердый практик
к фактику подгоняет фактик
уж такой извольте психоз

порошок ложится до крыш
цепенеет в цементе мышь
но истлев оставляет полость
если влип схлопотав статью
персонажем в чужую повесть
то сегодня назад в свою

эх страдал бы за вашу всегда
жизнь без доктора и укола
но велит заменить судьба
подлинник меня на другого
жерди в перетяжках ремней
здесь такой поживет верней

дрогнет нервы от бурь храня
молибденовая броня
легче лития клетки мозга
кровь о ребра внутри как розга
космос крив и зубаст как фьорд

в перепонках парсеки рвутся
как же мир потемневший тверд
в нем живому не повернуться
только сзади свистит пуста
трубчатая свирель хвоста

ИГЛА

черную сестру зовут наташа
недоумение имени
тезка мата-хари из мультфильма
ни одна живая наташа не пострадала
в ходе эксперимента

жизнь изловили жгутом
в самом неувертливом месте
дрожит и ежится
в верховьях вены
игла из полого металла

в детстве во сне она летала

если даже не жалко жертвы
стыдно струсить до обморока
до губки с уксусом к губам
опустите пожалуйста синие веки
фальшивая наташа жалеет
но ей позарез для заклинаний
иначе застрянет на взлетной
лунное затмение зря

липко заклеивает
приглаживает края
сие есть кровь моя
нового завета
пейте ее за это

ПАРЛАМЕНТ ПЧЕЛ

сменить полет шмеля на честный улей пчел
экономический в синклите их усталом
прогресс присутствует как сам вчера прочел
в газете ветром припечатанной к сусалам
смотри как строим вверх когда рассвет костром
синхронных крыльев гром большой пердеж работы
а частнику вовек презрительный газпром
не отключит бабла за сольные полеты
пункт назначения где лбом в стекло и в рай
пой римский-корсаков в уме айпод играй

иль не осилить мне как желтенькие все
с лукошками в луга лишь отроится свора
косоворотки сплошь в трудящейся росе
с их плясками славян под стрекот медосбора
с балетом искренним по телеку в кремле
где в соты собрана питательная рвота
и все на одного блюда в келейной мгле
честь насекомого червя и патриота
где уплетая мед и продлевая вид
медведев с царственной медведицей спит

зачем я черный частным образом лечу
в полоску желтую уже незрима слава
и встречный ветер вывихом чреват плечу
четвертому нет врешь похоже третье справа
я стар и скоро ночь не покладая крыл
аэродинамичен точно мокрый куль я
но засветло не сбит и разве слаб я был
коль клал на медосбор и сторонился улья
где вечный пасечник придет собрать с ведром
парламент мертвых пчел их праздник и газпром

УМИЛЕНИЕ ЗВЕРЕЙ

спадал туман когда они пришли
из уст ручьем бежала речь чужая
рабы отстегивали в пыль мешки
натруженных животных разгружая
дивясь вовсю диковинным дарам
а мельхиор нейзильбер и вольфрам
цари премудрой твердости и блеска
посланники рентгеновских галактик
сочились внутрь внося свой блеск с собой
там впрочем гости нужные уже
механизаторы животноводы
сияли в резком свете сверхзвезды
как топоры наотмашь их портреты
текли и плавились от жара череп
топорщил уцелевшие резцы
обозначая радость лишь в одном
углу клубился полумрак в котором
терялось материнское лицо
и в куче одеял и полотенец
молчал младенец

всюду из щелей
ползли земли неправильные дети
блестя хитином те кто посмелей
теснясь к стене кто крысы или эти
тушканы например и скорпион
вертел хвостом свивалась в кольца кобра
иссохшим сердцем тюкая о ребра
стремился сцинк любой убогий гад
из негева вараны и медведки
которых в честь гаранта нарекли
еще до всенародных клещи к небу
молитвенно вздымали ухвертки
и черви всех моделей рыли пыль
умильно шелестя мы тоже божьи
нам жалко жить пусть мы обречены
как тихий мусор смерти но звезда
любви сегодня всех свела сюда

вмиг плети визгнули взвились мечи
давили в камень мулами топтали
когда ты червь попробуй покричи
с ботинком на груди и без гортани
вольфрам рубил хитин нейзильбер нерв
сгребая нежить в ряд посмертных груд

ударники животноводства тоже
жестами ударили сям и тут
подошвы в липкой каше с чешуей
а с лезвий каплет кровь нечеловека
но невредим и окружен семьей
молчит младенец на лоскутном ложе

и я который был один из них
обоих и неправильных и верных
вздымая тяжкий жезл юля в пыли
головогрудью влажно созерцал
из сорванных фасеточных ячеек
свой состоящий из щелей и дыр
единственный как боль и нелюбимый мир

СВАТОВСТВО МАЙОРА

там где ртуть в корунде роет
русло с целью вытечь прочь
воспитал старик андроид
электрическую дочь

часто баловал девчонку
собирать ей был готов
цифровую собачонку
или квантовых котов

хлоп рубидия три грамма
сетью датчиков света
и в диапазоне гамма
любовался на дитя

если в схеме не поломка
нынче девочке года
индуктировать потомка
но без пары никуда

поспевай корабль скорее
не грусти моя краса
позитронные бореи
изодрали паруса

не гляди что я белковый
так и липнет пыль ко мне
я красивый и толковый
в герметической броне

нам скафандр старик андроид
обустроит на двоих
в нем коррозия не тронет
электронных рук твоих

будет мой тебе приятен
трансурановый набор
скромный дар тяжелых ядер
я космический майор

но тоска моя напрасна
в сердце девы ноль тепла
в твердом русле ртуть погасла
ночь молчит и дочь темна

скоро с маршем похоронным
в энтропию всем пора
где за карликом нейтронным
дышит черная дыра

зря питал такую страсть я
понапрасну к ней летел
видно нет у жизни счастья
для ее белковых тел

МОСКОВСКОЕ ВРЕМЯ

голодный тушинский постой
ненужный нож карман пустой
приборы жизни бедной
и кто в гостях у нас была
в пальто из мутного стекла
в железной шляпке с лентой

что я за диво был тогда
изгой всеобщего труда
в одной отдельно взятой
квартире на краю москвы
улитка липкие мозги
с ее спиральной хатой

поможешь гостье снять берет
прибит к столу ее портрет
стакан и ложка в каше
надел штаны сходил в овир
изъездил целый божий мир
уже небожий даже

штаны на стул и снова лег
к свече чадающей мотылек
прости моя святая
как тот в астапове толстой
твое лицо в его простой
оправе прочь сметая

гандлевский пьет кенжеев вслед
над тушином слабеет свет
заштриховала лица
последняя спираль пурги
и липкий с рожками внутри
молчит не шевелится

«КОНЬ В ГОРИЗОНТ ЗАЗУБРЕННЫМ ХРЕБТОМ...»

конь в горизонт зазубренным хребтом
сквозь приступ зрения саднит глазница
я нем на берегу а ты на том
возница клячу по хребту кнутом
откуда этот конь и кто возница
должно быть снится

так судорожно наловчился спать
так ошупью существовать без света
что сердце перескакивает вспячь
как в малярном сне челнок сюжета
что тщится значить этот млечный конь
в багровых струпах но ничуть не прытче
следящему тупым учеником
в суфийской притче

на склоне ты чья страсть наверняка
впотьмах артикулирует без звука
внизу возница в розгах ивняка
молчания печаль и слов разлука
безумный нищие у себя в дыму
чистилищном соображал не хуже
тебя как больно может быть тому
кто завершает жизнь в колбасной туше
сапожник звук пожарник свет скорей
здесь время вдребезги как в стекла птица
хоть вздохом на минуту смерть согрей
но конь падет и сердце прекратится
где мы два штопора влюбленной пыли
так молча были

«рисовала как росла...»

рисовала как росла
ива
с треугольником дрозда
криво
и с притоками река
слева
словно синяя рука
с неба
летний лес последний лист
порван
в черепе от мыслей чист
орган

лучше краски я раздам
детям
а мозги свои дроздам
этим
рисовала да нельзя
сбыться
иву в лапах унесла
птица
дымом в облако густым
лес там
просто становясь пустым
местом

«как весело разглядывать синиц...»

как весело разглядывать синиц
поправ свои фальшивые несчастья
их клювы в центре деликатных лиц
их цепких лап фигурные запястья
вот и скажи на что нам эти мы
взирающие в небо неподвижно
когда из предков лучшие умы
резьбу сорвали а летать не вышло

и как же славно жить среди жуков
ликует дух что их всегда так много
что каждый расторопен и толков
вертась в избытке воздуха дневного
нет не беда что даже есть медвед —
ки под землей душа им нежно рада
в них правда прелести излишней нет
но мы страшней нас здесь вообще не надо

приятно знать что все они везде
встречаются то есть не мы а эти
слагающие гимны в высоте
и слабые как мысли или дети
жить только ради них пускай летят
кому вся твердь чертог и ночь служанка
а если нас изловят и съедят
то поделом ни одного не жалко

я впрочем добр и даже тех прошу
кто груб за то что певчий вечер чуден
хоть человек подобен здесь прыщу
не зря трудились дарвин и мичурин
прекрасен мир и бесполезна злость
к тому кто мрачный но недолгий гость

«река в ракидах спит сгиба́я берег влево...»

река в ракидах спит сгиба́я берег влево
до перистой зари раскинув ребра дна
красавица вода расплавленное время
чуть время истечет а ты у нас одна

все резче к очагу внутрь в киноварь пожара
цветных царица недр нагая кровь травы
тех что почти вчера так нежно отражала
все меньше лиц людских они теперь твои

стрела в своем стволе где всем светло и жидко
всех частей раствор и на просвет с любой
бликует как любви доверчивая жилка
на золотом виске последней синевой

виски склонить и спать не напрягая репу
когда в страду устав от неба и камней
кому нельзя ступить в одну и ту же реку
войти себе в одну и оставаться в ней

пусть можно смолоду судьбы себе желая
жить поперек как мост над струями резвясь
но в ветхом космосе где ты одна живая
мы больше не нужны здесь хорошо без нас

«лет что ли шесть мы были с ним знакомы...»

лет что ли шесть мы были с ним знакомы
точнее семь но все прощальных три
он пролежал не выходя из комы
как дух кому безвыходно внутри

поди пойми вдруг там простор для духа
стоустый пев и ангелы пургой
а здесь на койке две щеки два уха
но не такой как ты совсем другой

пока в бетон закатывали утро
гвоздями крепко накрест свет дневной
как я кричал ему внутри мне трудно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.